

А.С. Савина

Добрыня
по имени
ВИКА

Литературное приложение
к школьной газете

Анна Савина

ДОМОВИКА ПО ИМЕНИ ВИКА

Издание пресс-центра
МБОУ Гимназия № 44 г. Иркутска
2023 г.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Анна Савина.

Домовика по имени Вика / Савина Анна -

Открывая дверь своего дома, задумывались ли вы, есть ли у него душа?

Нашей отличнице Лене этого делать не пришлось! Вика, дух её дома, сама пришла к ней. Но зачем домовике, прошедшей сквозь века, оберегать простого человеческого ребёнка?

Кажется, на этот вопрос не могла ответить сама Вика. Дружба и человеческие чувства были непонятны ей. Может ли пятиклассница Лена, сама едва ли узнавшая жизнь, показать ей, что такое настоящая преданность и семья? А может, душа дома — это люди, которые в нём живут?

— **С**даём домашнюю работу! Седовласая учительница математики Лидия Петровна наблюдала за растущей стопкой тетрадей на первой парте. Затянутый тенью от тяжёлых туч, кабинет математики пах старыми книгами и лёгким ароматом духов. Сегодня ничего не предвещало беды.

— Лена, а ты чего не сдаёшь тетрадь? — с удивлением спросила Настя.

Она посмотрела на сгорбившуюся над портфелем черноволосую соседку по парте. Лена с ужасом подняла взгляд.

— Настя, я, кажется, забыла все тетради. И учебники...

Настя глянула в сторону Лидии Петровны. Она была одной из самых строгих учительниц 5 «Г» класса, её можно было легко разозлить.

— Скажи, пока не поздно, — шепнула Лене Настя.

— Мне кажется, она...

— Цветкова, где тетрадь? — грозно перебила Лидия Петровна.

— Э-э-э... Ну, это... Я дома её забыла, — проямлила Лена.

— А голову ты дома не забыла?

Лена спрятала глаза. «Ах, как же так получилось? Я же точно помню, что всё собирала... Или не собирала?» — бурили голову Лены сомнения. Прервав её мысли,

перед девочкой упал листик в клеточку. Она подняла голову и увидела блондинку Настю, которая уже достала свою тетрадь.

— Настёна, спасибо! — замявшись, Лена нерешительно добавила, — Мне бы ещё ручку.

Настя без раздумий достала из пенала синюю ручку.

— Спасибо, выручила.

— Да не за что.

«Всё же не пойму, — писав тему урока размышляла Лена, — как же у меня учебники с тетрадями пропали?»

Лена, хлопнув дверью, кинула пустой рюкзак в угол своей комнатухи. Она упала на кровать прямо в школьной форме и уставилась в потолок. Её стол был заляпан чернилами, красками. Все полки на нём были заставлены всякими книгами, рекламными буклетами. Какие-то бумажки с маленькими тестами валялись под столом и на нём. Несколько кружек из-под чая всё ещё ждали своего ухода на кухню. Кровать девочки была взъерошена, на красном коврикe возле неё лежал огрызок яблока.

С первого взгляда, да и со второго, было трудно понять, что это — комната отличницы Лены. Девочки, которую хвалили и ставили в пример все учителя.

«Как же так? Сегодня я получила первую двойку за все 5 лет! Двойку! Я...». Лену грызли невесёлые мысли. На глаза пятиклассницы навернулись горькие слёзы.

— Ох, Лена-Лена, вместо того, чтобы плакать, прибралась бы, подумала бы хоть разок обо мне.

Лена вскочила, сев на кровать, и увидела маленькую девочку с лисьими ушами и хвостом одетую в платице в жёл-

тую полоску и белые пушистые тапочки. У неё были зелёные глаза и тёмно-русые, взъерошенные волосы. Размером она была почти как игрушечный пупс. Её зелёные глазки горели обидой, а руки поставлены в боки. Лена прижалась спиной к стенке.

— Ты кто?!

— Эй... Не помнишь меня что ли, Лена? Я же домовика. По имени Вика! — вздёрнув носик пробурчала домовика.

— Какая домовика? Какая Вика?

— Я часто приходила к тебе в детстве. Тебе было... Года так два! Эх, а ты и не помнишь!

— В детстве? Когда?

— Хм, ну, первые два года, как впервые тебя увидела. А потом... Потом ты чуть мой хвост не оторвала! А когда я вернулась, то у тебя тут тако-о-ое творилось, — театрально обвела комнату руками девочка, — Я долго тебе на это намекала, но почему-то до тебя было трудно достучаться.

Лена с удивлением смотрела на домовику.

— Погоди... Так это ты заставила мои учебники пропасть?!

Вика многозначительно отвела взгляд и хмыкнула что-то себе под нос.

— Из-за тебя я получила первую двойку!

— А я из-за тебя не могу кое-что найти! Сомневаюсь, что здесь вообще что-то возможно откопать.

Лена обидчиво сложила руки и, сверкнув зелёными глазами, пробурчала:

— И ты меня заставляешь прибираться!

— Ага. Вообще-то не одна ты живёшь в этом доме!

Лена опустила голову и испустила тяжёлый вздох.

— Хорошо, я приберусь

— Ура! — просияла Вика.

Лена подошла к своему столу и лениво принялась прибираться. Пока она это делала, нашла потерянную ручку, любимый брелок, недоеденную конфету... «Ого, а я так долго искала эту тетрадь! И этот брелок!»

Вика с наслаждением смотрела на прибирающуюся Лену. «Ну, наконец-то!» — с ликованием подумала она.

— И давно ты в нашем доме живёшь?

— Да даже и не помню. Вроде бы, как построили дом, так я тут и появилась.

— Ничего себе! — Лена удивлённо посмотрела на Вику, — Никогда бы не подумала, что познакомлюсь с домовым!

— Ага, а тем более с таким прекрасным, как я! — с шутливым лицемерием сказала Вика.

Лена улыбнулась. «Как маленькое солнышко, такая же весёлая и взъерошенная».

— А где ты была? Ну, с момента моих двух лет.

— Я, между прочим, слежу не только за твоей квартирой! Это не так, как раньше, мне теперь, вместо маленького домика, нужно целый подъезд обходить. Целых 20 квартир!

— Ого! А что за вещицу ты потеряла?

— Шарф, — поёжившись, зашипела домовика. — Отопление ещё не дали, а уже холодно! Эх, ну что за люди?

Лена с лёгкой улыбкой усерднее принялась прибираться. Она дала домовике большущий жёлтый плед, который лежал на кровати. Вика зарылась в него, словно в

норку, как настоящая лиса.

— Спасибо!

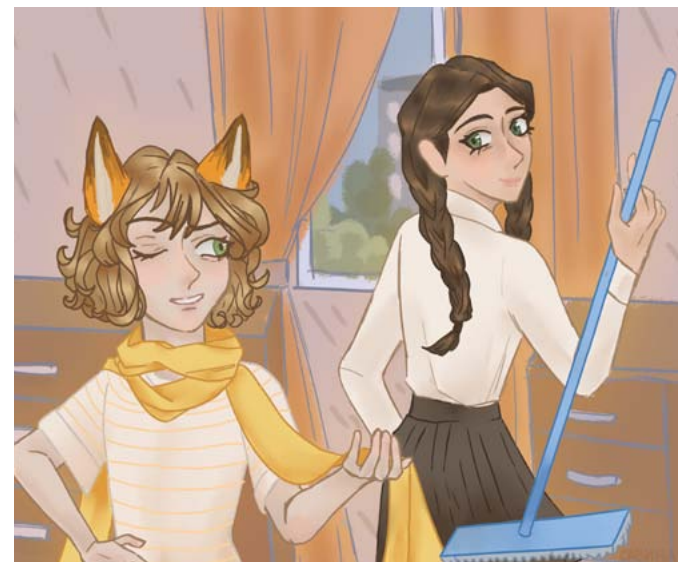
— Не за что.

Спустя несколько часов Лена устало упала на кровать. Её стол сиял от чистоты: тетради и учебники были в ящиках, принадлежности для письма стояли в аккуратных стаканчиках. Вещи в комнате девочка расставила на свои законные места, а мусор свалила в мешок и уже успела его выкинуть. Вика с любовью смотрела на свой зелёный шарф, который Лена выудила из-под кровати.

— Ну, теперь не будешь мои учебники воровать? — с улыбкой проворчала Лена.

— Так уж и быть, не буду, — Вика забежала за комод и оттуда прокричала, — делай уроки — и спать. Спокойной ночи!

Девочка посмотрела на часы. Было всего лишь пять

часов вечера, но, видимо, у домовых свой распорядок дня. Лена решила не обращать на это внимание и просто ответила новой подруге: — Спокойной ночи, домовика!

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

ЛЕНА СМОТРЕЛА в небольшое окошко, от которого веяло по-зимнему колючим холодком. Стекло было тронуто узорчатым инеем, складывавшемся в интересные узоры.

Родители Лены, занятые работой даже в канун Рождества, конечно, могли оставить дочь одну дома, но недавно она, как и многие другие школьники, заболела. Обыкновенная простуда здорово выбивала из строя, поэтому родители попросили приглядеть за Леной её бабушку Женю. И вот, уже который день, Лена скучающе смотрит на улицу, в телефон, который успел надоесть, и, кажется, только бесконечное множество книг на полках у бабушки притягивает её интерес.

Из задумчивости Лену вывел добрый старушечий голос, и знакомый скрип половиц. В комнатку вошла пожилая дама с тёплым платком на голове и в старой рабочей куртке, с давно въевшимися пятнами и потёртостями. Она сняла жёсткий платочек и подставила свету старых лампочек свои посеребрённые сединой русые волосы. Бабушка Женя улыбнулась.

— Ну и чего ж моя бунтарка опять из постели вылезла?

— Грустно мне, бабушка, — Лена шмыгнула носом, устало разворачиваясь. — Скука смертная!

Бабушка, повесив куртку на крючок в пороге, с загадочной улыбкой открыла крышку сундука. Сундук этот стоял у печки, в углу комнатухи. Лена внезапно ожи-

вилась. Этот волшебный, сказочный узор, веточками рябины хохломы оплетающий стенки сундука, так манил и приковывал взгляд, что открытие этой тяжёлой крышки невольно привлекало к себе внимание. Лена села на кровать, всё пытаясь увидеть тайное содержание сундука. Бабушка хитро улыбнулась и, достала оттуда какую-то большую, старую книгу. Когда она присела рядом, Лена увидела и выцветших чертят на обложке книги, и нарисованную ведьму, взмывшую на метле над красиво напечатанными красными буквами «Святочная нечисть. Рождественские мифы». Бабушка бережно открыла обложку с облупившимися краешками и осторожно перевернула несколько пожелтевших, старых страниц, каждая из которых была украшена по-русски близким узором.

Бабушка начала читать. Страшные, иногда и забавные сказки, смешные и, казалось, точные иллюстрации заставляли Лену удивляться: как такие древние тексты и рисунки держатся на этом хрупком листике?! Слова бабушки одно за одним текли в сознание, мягко убаюкивая Лену.

— ...Поэтому гадания в бане считаются самыми... — Бабушка посмотрела на внучку и, улыбнувшись её тихому сопению, тихо ушла в другую комнату.

На следующий вечер послышался стук в дверь. Бабушка открыть не могла, так как только-только ушла заниматься скотом: доить корову и коз. Лена настороженно открыла дверь и... В зал ввалилась девица в забавной маске козы.

— Коляда, коляда, отворяйте ворота!

Лена не сразу узнала этот голос. Испуганно отступив, она тут же прильнула с объятиями к гостье.

— Вероничка-а-а! — довольно протянула Лена.

Гостья сняла маску со своего лица и с упрёком сказала, весело прищурив голубые глаза:

— Леночка, чего же ты молчишь, что приехала?!

— Да я тут болею, — девочка показательно кашлянула, — сижу в доме, скучаю. Не до прогулок было! Знаешь, а давай чаю выпьем, м?

— Я буду только рада! — махнув двумя хвостиками и снимая куртку, сказала Вероника.

Лена налила чаю и пригласила подругу в комнатку с печкой: там стоял не только стеллаж старинных книг, но и телевизор. Девочка включила какой-то музыкальный канал, чтобы не было так тихо. Музыка, конечно же, не была по нраву современной молодёжи, но чем не побрезгуешь, чтобы заполнить пустоту. Только доносившиеся с улицы из-за открытого настежь окна звуки лая собак могли спорить с тишиной в комнате с жарившей печкой.

Вероника «обняла» руками кружку, вдыхая аромат напитка. Её взгляд упал на сундук.

— Лена, я всегда, когда в гостях у вас с бабушкой Женей, так удивляюсь этому сундуку! Сколько ему лет?! Он так красиво расписан!

— Бабушка говорит, что этот сундук был в её приданом. Но, знаешь, что больше меня поражает, так это не сундук, а его содержимое!

Вероника отставила кружку чая и внимательно принялась смотреть за действиями подруги детства. Лена с большим усилием открыла сундук и достала оттуда кни-

гу, не сильно вглядываясь в другие предметы сундука.

— Вот, смотри! В этой книжке всё про святочную нежить и гадания! Может, мы с тобою вместе...

Порыв ветра распахнул окно сильнее, впуская с зимним холодом какую-то чёрную тень. Вероника побежала закрывать окно, как вдруг... Лена не почувствовала на своих руках книги.

— Ох! — звонко и скрипуче завопил кто-то.

Лена и Вероника увидели настоящего черта, держащего в руках книжку! А в его хвост вцепилась Вика, внезапно вылезшая из-за печки!

— Вика?! Ты что здесь...

Чёрт зашипел, не зная, как отцепиться от Вики, в то же время не потеряв тяжёлую книгу. Вероника завизжала, понимая, кого видит перед собой. Лена, не задумываясь, схватила кочергу и побежала с ней на черта. Он,

по-странному крикнув, побежал. На ходу накидывая куртки, растерявшаяся Вероника и испуганная Лена побежали за ночным гостем и гостьей. Лена всё не могла понять, как же Вика покинула дом? Почему поехала за ней? И где она пряталась?

— Лена, это что?!

— А? — задыхаясь, Лена даже не с первого раза слышала вопрос, — Хах, я думаю, сейчас не время для... Фух, таких вопросов. Моего домовёнка, кажется, унёс чёрт на хвосте! Поэтому побежали скорее.

— Вот он, видишь?! — Вероника ткнула пальцем в заброшенный дом, где мелькнул чёрный хвост, — Бежим!

Девочки бесстрашно зашли в заброшенный дом. Вероника зажгла фонарик на телефоне и тут же закричала, как и Лена.

В тени просторной комнаты водили хоровод ужасные существа: они были все сплошь покрыты волосами, а руки — с длинными когтями. Они пели страшные и странные песни: слова в них были знакомые, да никаких не разберёшь. Вдруг чудовища, заметив растерявшихся подруг, захихикали, глядя на них.

— Ах, это святочницы! — Лена вжалась в стену. — Рви бусы, какие-нибудь, милая! Они отвлекутся на них, — девочка резко порвала ниточку своего браслетика. Бусины со звоном покатались, прячась то в щелях в полу, то, позвякивая, прыгали.

Но этого было мало! Вероника выхватила у ослепневшей Лены кочергу и, хотел уже ударить одну из святочниц... Услышала мелодичный звон крупных красных бусин. Лену кто-то схватил за руку крепкой, в то

же время мягкой и неширокой ладонью, потянув за ней и Веронику. Святочницы припали к полу, рассматривая и любуясь блестящими бусинами, переговариваясь на незнакомом и жутком языке.

Холодный воздух впервые был настолько приятен! После духоты заброшенного дома хотелось убежать оттуда как можно скорее. Вероника мотнула головой, поёжившись. А Лена в удивлении смотрела на их спасительницу.

— Что же вы, дурочки, в Святки, да в заброшенные избы без оберегов ходите?!

Молодая девушка, с налитым и стойким от мороза румянцем, поставила руки в боки. Она была в тёплом, толстом платке с красными маками и в старомодном пальто. Девушка показалась Лене знакомой. У неё были тёмные каштановые волосы и светло-карие глаза, отливающие янтарём.

— Спасибо вам, спасибо! Как вас зовут, спасительница наша? — спросила Вероника.

— Фёклою меня зовут, — она слегка улыбнулась Лене.

Переглянулись Лена с Вероникой, удивляясь такому странному имени. Но удивление то было настолько маленьким по сравнению с остальным днём, что долго и не продлилось.

Предвидев следующий вопрос, Фёкла сказала:

— За чертом гнались, поди? Это свя-

точницы морок навели, заманили вас на свой хоровод. Настоящий туда побежал, на конец деревни.

— Добрая Фёкла, — протянула Вероника, — спасибо вам за помощь!

— За помощь? — Фёкла с уверенностью взглянула на подруг, усмехаясь. — Это ещё не всё. Думали, я отпущу вас к здешней ведьме одних? Тут-то от святочниц, глупые, не убежали, а от Настасьи точно не вернётесь.

— Ох, — ещё пуце побледнев, вздохнула Лена.

Вероника уверенно схватила подругу за руку.

— Ты хочешь спасти своего домовёнка и книгу или нет?!

— Хочу...

— Нам нельзя терять время! — Фёкла, нахмурившись, пошла по протоптанной среди большого сугроба тропинке. Со временем она становилась всё уже, завиваясь всё большими зигзагами и в итоге превратившись в один большой сугроб.

— Ника, она точно не очередное чудище? — прошептала подруге Лена.

— Это я у тебя должна спросить, — со злой усмешкой прошептала Вероника.

Будто бы услышав их разговор, Фёкла по-доброму засмеялась и продолжила тем же шёпотом, который, казалось, раздавался совсем возле уха, а не там, впереди:

— Мы пришли. Вот, видите эту косую избу?

Лена и Вероника, тихо подкравшись к окну, заглянули в неё и ахнули.

Синеносая ведьма, с некрасивой бородавкой на щеке и горбом на спине, потирала свои ручки и что-то говорила

сидящему на печке Чёрту. А на стуле, по среди комнаты, сидела повязанная по рукам и ногам Вика! Жевлаки Лены сильно выделялись, а лицо стало совсем хмурым. Фёкла оттащила девочек от окошка и сказала:

— Нам нужна святая вода. Избавимся от черта — избавимся от Ведьмы.

— Ещё мы можем ослабить её силу улыбками и объятьями. Ещё... Ещё, бабушка в книге этой, вот, что на том столе лежала, прочитала мне, что Ведьму можно пере-крестить, тогда она совсем силы потеряет.

— В символах нет смысла, если ты не веришь в Бога, — сказала Фёкла, испытывающе глядя на девочек.

— А мы верим! — серьёзно ответили девочки.

Но что есть вера? Святые, смотрящие на девочек с красивых древних икон в безмолвии внимали их молитвам за здоровье родственникам. Волшебное пение священников проникало глубоко в сердце, играло на струнах души, заставляя сердце замирать. Ощущение мягкого надзора и помощи, света, благоденствующего света... Наверное, для Лены и Вероники это и было верой. В силу своего возраста они не знали всего и не понимали, но глубинные, чудесные чувства складывали красивую мозаику слова «ВЕРА».

Фёкла, поправив платочек, снисходительно улыбнулась. Тут из дома послышался крик Вики:

— Ты думаешь, что доберёшься до Луны, съев меня?! Какой вздор!

Лена похолодела.

— Вика!

— Нам нужно торопиться. У кого есть святая вода

дома?

— У меня, — с ходу сказала Вероника, — Я живу тут рядом, — она указала на дом, стоявший под ближайшим фонарём, на широкой дороге. — Родители как раз ушли к родственникам.

Фёкла кивнула и внезапно обернулась соколицей! Лена и Вероника ахнули, когда загадочная знакомая взвилась в небо и скрылась в дымке снега, крупными хлопьями падавшего на землю. Это было странным, но Лена и Вероника только что его заметили...

— Хорошо, что я взяла кочергу, — Лена покрепче перехватила «оружие» и спряталась за сугроб, наблюдая в окошко за домом ведьмы.

— Интересно, для того, чтобы кого-то съесть, нужен ритуал?... Почему она медлит?

Лена шикнула на Веронику, зло нахмурившись.

— Во всяком случае это нам на руку... Не желаю в этом разбираться.

Через десять минут Фёклы всё ещё не было. А вот Ведьма Настасья уже начала делать странные вещи. Зрелище это было презабавным, но девчонкам было не до смеха. Ведьма махала какой-то травой у носа Вики, пела какие-то песни, а Чёрт хлопал в ладоши, постукивая копытами по печи.

Когда Лена увидела закрывающиеся глаза Вики и странную золотистую ниточку, тянущуюся из её груди напрямик в большой амулет на шее Ведьмы, Лена не выдержала и, вскочив из-за укрытия, ринулась в дом. Вероника в ужасе побежала за ней, всё оглядываясь на ночное небо, думая: «Фёкла-соколица, молю, вернись скорее,

пожалуйста-пожалуйста!»

Она с боевым криком отворила дверь:

— Эй ты, отойди от Вики!

Ведьма в испуге обернулась, а Чёрт перестал хлопать и топтать. Вика распахнула глаза и испуганно вдохнула воздуха, пропахшего пряными травами. Золотая ниточка скрылась обратно в её грудь.

Лена в этот момент замахнулась на Ведьму кочергой, но та ловко увернулась от атаки, не применяя даже магии.

— Хи-хи-хи, вот глупенькая девочка, решила меня таким взять?! Не выйдет! — провизжал писклявый, скрипучий, как древняя половица, голос старухи.

Её костлявые пальцы сделали несколько витиеватых движений в воздухе, и их кончики загорелись пламенем.

Но тут же оно потухло, стоило Лене лучезарно улыбнуться, а внезапно накинувшейся на Ведьму Веронике — обнять с добрыми словами.

— А?! — Настасья потеряла огонь с пальцев, зашипев, как кошка.

Внезапно завопил Чёрт, подбирающийся ко спине Лены: вовремя подоспевшая Фёкла налила на него святой воды, и он с шипением растворился в воздухе, оставляя от себя только крик, раздающийся эхом по избе.

Ведьма обрела свой настоящий облик.

Фёкла перекрестила Настасью, её примеру последовали и Вероника, и Лена.

— А-А-А! Ох... — нос темноволосой девушки стал обыкновенным, а зелёные глаза часто заморгали, — Что вы наделали?! Кто вас просил?!

Лена быстренько развязала Вику и отвела подальше от бывшей Ведьмы.

— От твоих злодейств не должны страдать другие, Настасья, — твёрдо провозгласила Фёкла.

— Да что ты говоришь! — её глаза, полные пьянящего гнева, казалось, готовы были испепелить. — Бесплотный дух ещё будет мне указывать, как жить! Ты-то что здесь забыла, неуспокоенная душа?

Фёкла обернулась и улыбнулась удивлённой Лене. Вероника перекрестилась, понимая, кто им помогал. Фёкла улыбнулась, поглаживая голову Лены.

— Я пришла навестить свою семью. Как же мне не помочь правнучке моей сестры, которая в беду попала? — Фёкла вернула взгляд на Настасью. — Тебе предстоит большая жизнь, после которой ты бы могла быть вечно спокойна в Раю. И позже также навещать своих потомков. Но ради мимолётного счастья, во что ты превратилась? Ты видела себя в зеркало? Теперь твоим истинным обликом стал синий нос и горб на спине. А всё ради какого-то там Вадима? Ты приняла учение Черта ради этого прохвоста?

Лена подумала: «Не зря вызывают духов для гаданий... Они знают всё! И прошлое, и будущее!»

— Да! Я любила его, но он ушёл к другой! Что мне оставалось делать?!

Фёкла улыбнулась, едва касаясь плеча Настасьи.

— Жить дальше. У тебя есть для этого время.

— Тебе легко говорить, ты ведь не знаешь этого горя! — грубо отрезала Настасья.

— Знаю, — юная Фёкла отвела взгляд, погрузившись в

мимолётную тоску, — за свою короткую жизнь я познала и горечь утраты, и предательства. Но Бог не посылает испытаний тому, кто не сможет их победить.

Настасья хлопнула по столу руками, отчего тот закрипел.

— Да кто такой этот ваш Бог?! Какое право он имеет убивать меня горем?! — бывшая Ведьма перешла на крик.

— Испытания лишь открывают тебе путь в новый мир. Ты, например, никогда не приглядывалась к Василию? Который Пёрышкин? — Фёкла слегка наклонила голову, улыбаясь. — У вас с ним было бы трое детишек и большая квартира в городе.

Настасья остолбенела. Она коснулась груди и... Заплакала. Горько и больно заплакала, чувствуя, как её напрасная обида прожигает грудь.

— Без несчастья нет счастья. Вспомни, как твоя мать молилась о спасении твоего отца от рака? Что, думаешь, она почувствует, когда узнает?

— А-а-а... Какую ошибку я совершила! Какую ошибку... — Настасья схватилась за голову.

— Если ты искренне захочешь, то сможешь всё изменить, — Фёкла погладила девушку по волосам. — Замоли свои грехи. Обернись к свету.

Настасья взяла её руки в свои и робко подняла на духа глаза. Взгляд спокойной Фёклы дарил уверенность и умиротворение.

— Я... — девушка, выпустив руки, встала и, протянув руки за печку, достала оттуда крестик. Она оттерла его от пыли, грязи и повесила на шею. — Я поняла свою ошибку.

Лена улыбнулась и взяла со стола книгу. Она прижала

её к груди и прикрыла глаза от счастья.

Фёкла кивнула и неторопливо пошла к выходу, за нею потянулись Лена с Викторией и Вероникой.

— Спасибо, — прошептала им вслед Настасья.

Четыре девушки в приятном молчании шли домой, каждая осознавая произошедшее, они не заметили, как дошли до дома Лены. Вика, как всегда в своём репертуаре, сказала:

— Ну что, может, ещё поколядуем?

Подруги рассмеялись, понимая шутку домовики. Она, как никто другой умела разрядить обстановку, потому что людей рядом с собой она знала и хорошо понимала.

Фёкла остановилась и, коснувшись плеча Лены, протянула её к себе, крепко обнимая. Лена ответила тем же, чувствуя тепло от духа.

— Я рада, что увидела тебя, маленькая Лена, — Фёкла поцеловала её в лоб, — Будь осторожнее на своём жизненном пути.

— Ты уже уходишь?

— Мне незачем больше задерживаться. Женечку я уже увидела, тебя — тоже. Я могу снова отправляться на вечный покой.

Вероника и Вика робко выглянули из-за спины Лены.

— Спасибо, что спасла нас от святочиц, — прошептала Ника, зная, что её точно услышат.

— Спасибо, что провела их. Я приехала сюда, чтобы...

— Вика прервалась, но тут же продолжила. — Чтобы оберегать Лену. А в итоге сделала это ты. Спасибо, Фёкла. Ступай с богом, — кивнула Вика.

Фёкла покачала головой чему-то своему и улыбну-

лась им в последний раз. Кто знает, правда ли он последний? И увидят ли они ещё раз эти добрые карие глаза, отливающие янтарём? Об этом дух им не поведала... Она развернулась и, не оборачиваясь, степенно шагала по дороге, растворяясь, не то превращаясь в снег, мягко падающий на стылую землю под её ногами, оставляя двух девочек и домовику Вика с чувством тёплой тоски.

Ночь перед Рождеством вновь открыла врата в чудесный мир, на этот раз для этих молодых душ.

ДЫХАНИЕ СТЕПИ

НОВОГОДНИЕ КАНИКУЛЫ уже почти закончились, а Лена отдыхала в лагере. Вика решила не отходить от подруги после того случая в Рождество. Тем более земля Байкала неизведанная и неясная даже домовике. Вдруг какой-нибудь лихой бурятский дух выскочит прямо на ничего не подозревающую Лену! Да и боялась Лена всего этого неизведанного. Но на удивление, всё было подозрительно спокойно. Перед днём отъезда, после дискотеки, Лена ввалилась в комнату и прохрипела:

— Я не хочу возвращаться в школу...

Вероника, которая жила и отдыхала вместе с ней, понимающе улыбнулась, но внимания решила не заострять. После славного отдыха всегда было трудно начинать работать. Вика, в своей воспитательной манере кротко бросила:

— Ученье — свет, Лена. Ты хорошо отдохнула, теперь время работать. Не заметишь, как каникулы следующие, а там ещё чуть-чуть и лето.

— Я будто бы не знаю! Такая умная, Вика, а сама-то не понимаешь, что приходится там терпеть, — вспылила Лена, упав в подушку лицом, даже не боясь, что её любимое платье помнётся.

Домовика удивлённо глянула на Лену, а Вероника успокаивающе сказала:

— Леночка, ну ты ведь отличница. Подумай только,

тебе же даже стараться не надо, и так умная.

— Не надо стараться?!

Лена резко встала с кровати и сжала кулаки. Её разозлили, кажется, не на шутку.

— Да я только и делаю, что провисаю над этими учебниками, с трясущимися руками готовлюсь к проверочным и зубрю! Мне совсем не легко, а вы не поймёте, пока не побываете в моей шкуре, как трудно быть умницей и отличницей. Мне надоело! И учителя эти вечно...

— Лена, остынь, пожалуйста. Мы не хотели тебя обидеть, — приобняв Лену, сказала Вероника.

— Я не жалею о своих словах. Вам ещё учиться и учиться, такая возможность — золото. А лень — это очень...

Лена прервала Вику тем, что громко стукнула дверцей шкафа, надела пуховик, тёплые штаны и, бросив злой взгляд, вышла из здания. С вопрошающими криками Вика и Вероника помчали за подругой.

— Лена, ну не глупи! — закричала Вероника, бежав за подругой. Вика была у неё в руках обернувшись шарфиком.

Лена побежала в лес, хотя уже вечерело, но ноги будто бы сами несли её. Девочка вошла в свод Байкальской тайги.

— И почему меня никто не понимает? Я просто устала от школы. Эх, не ходить бы в неё совсем. Надоело, — под нос ворчала себе девочка, раскидывая снег ботинком.

Лена подняла голову вверх и остановилась. Деревья окружили её, стволы будто начали нагибаться к ней, хихикать, хищно улыбаться. Крик Вероники долетел до Лены, она обернулась, а лагеря будто бы и не было. Де-

вочка побежала к выходу из леса, но заходила всё дальше в чащу. Гробовая тишина резко сменилась пением птичек, шуршанием тут и там. Журчанием ручейка. Рядом было сломанное дерево и пенёк. Но возле лагеря не было ручейка...

Лена тихо прошептала: «Помогите!». Но, конечно же, никто не отозвался. Лена шла по лесу, шла долго и уже начала замерзать. Паника подкралась на мягких лапках. Усугубило всё то, что Лена увидела лося совсем рядом с собой. Лена сдержала крик и попятилась, пытаясь спрятаться за деревом. Лось? Здесь, возле лагеря?! Как же страшно ей было тогда! Ветвистые, широкие рога, грозная морда, массивная туша.

Ещё страшнее стало, когда на лося, по всей видимости, из засады, выпрыгнули люди с радостными и боевыми кличами. Что это за наречие? Лена не поняла и слова. Девочка, услышав крики лося, увидев его падение и хладнокровные движения охотников, упала без сознания прямо в лесу.

Лена не помнила, как очнулась. Девочка сидела у очага. Неизвестный язык туманил разум, а Лена упорно пыталась очнуться.

Все взгляды направились на неё, когда Лена несвязно замычала. В нос ударил запах чая, кажется, с молоком. Лена подняла глаза и увидела женщину, которая подавала ей пиалу со вкусно пахнущим чаем. Женщина была одета нарядно, а Лена только что заметила, что она бурятка. Лена удивилась и, ошарашенно моргнув пару раз, приняла пиалу правой рукой, но та, видимо, была ушиблена при падении, потому Лена поддержала её левой ру-

кой. Отпив чай, Лена поняла, насколько он отличался от обычного: вкус был горький, отчего она едва сдержалась, чтобы не скривиться. Пиала была берёзовой, покрытой лаком, ещё и плоской, а подана с кусочком шёлковой ткани. Чай взбодрил и, тайком оглядываясь, Лена поняла, что она в бурятской юрте. Лена неуверенно и криво поприветствовала жителей юрты единственным словом, что знала:

— Амар мэндэ!

Ей тоже ответили приветствием. Несмотря на то, что девочка была неожиданным и удивительным гостем, её приняли радостно. Лена, пытаясь не выдавать страха в голосе, спросила:

— Меня зовут Лена. Вы говорите по-русски?

Женщина и дети с интересом глянули на русскую гостью. Старший сын и отец семейства отреагировали: они знали язык! Но страх перед людьми иной веры и другого склада ума её настигал всё быстрее.

— Я — Гармажап, жена моя — Соелма, старший сын мой Бато, дети мои, — сказал на ломаном русском языке отец семейства с широкими плечами, показывая на каждого представляемого. На именах детей голова Лены сокрушительно закружилась, уже не в силах воспринимать.

— Я рада познакомиться с вами. Скажите, пожалуйста, далеко ли до детского лагеря «Огонёк»? Я потерялась в лесу.

Семья непонимающе глядела на девушку. Лена непонимающе смотрела на них. Не только одежда гостыи, но и говор поражал всех. Да и ей было удивительно смот-

реть на людей в национальной одежде напротив очага с настоящим огнём, а не газовой плиткой. Дальше слово почему-то предоставили сыну. Видно, говорил он лучше всех. Мальчик Бато был лет четырнадцати, почти как Лена. Лицо его было странным: одна сторона будто бы не двигалась. Сам он был так же неотличим для Лены, как и все жители юрты. Скулы высокие, такие выделяющиеся, а сам сухой, с широкими крыльями носа и едва открытыми глазами, кожа лица обветрена и суха. Он с ярко выраженным акцентом сказал:

— Любачки! Чаво ты говоришь, басаган¹? Чаво за «лагерь»? До городу вёрст десять, дорога, правда, больше времени займёт, пурга же была вчера.

— Да как же так... Я помню, бежала из лагеря... Где же я? Бато, какой год сейчас?

— Год так пятидесятый, осемьсот пятидесят первый, аль годом ошибся, но верно быть должно.

Лена в ужасе замолчала. Тысяча осемьсот пятьдесят первый?! Вот это её занесло... А как выбираться-то отсюда? Лена не сдержалась и заплакала от безысходности ситуации, в которой оказалась. Тут же жители юрты принялись её успокаивать да закармливать едой, пусть даже кусок в рот не лез, её умудрились накормить и лосятиной, и бараниной, и всякими молочными блюдами, как будто не ела она лет десять. Это её успокоило, во всяком случае отвлекло, потому что вкус еды для современного ребёнка, который был привередлив в еде, внезапно оказался неплох, видно и правда голодная Лена была. Урмэ,

¹ Басаган (с бур.) — девочка

замороженные молочные пенки, суп, различное варёное мясо. В бурятской юрте было много о чём ей рассказать. Стоило ей посмотреть в одну часть, так сразу сказывали, что это такое, для чего нужно. Про стороны света в юрте рассказали, про хозяина очага. На этом моменте Лена с болью вспомнила Вику. Заметив, как грустит гостя, Бато сказал:

— Басаган, не кручинься. Отвезём в город, ай Лукьян Ничипорович в пабедье прискачет зверя стрелять.

— Не от того я расстроена, Бато. В лес пошла погулять, а вышла тут, у вас. Обиделась на учителей своих, на учёбу трудную. Не знаю теперь, вернусь ли.

— Не хотела учиться? — удивился Бато.

— Ты, наверное, не поймёшь.

— Тю! Грамотная что ль? А то я думаю, иницие¹ слова твои, а русские. Не скубайся², басаган, на неграмотных. Я тоже учиться хочу, да не пускают. Батка Лукьяна-то Ничипоровича знавал каторжанина, а оный знавал декабриста, оный, мол, в школе учился. Как там хоть, басаган, в школе этой?

— Зови меня Леной, Бато, пожалуйста. В школе...

Лена не знала, что говорить необразованному мальчишке о современной школе. Тогда она начала:

— В школе учителя строги. Могут кричать, но это из-за непослушания детей. Хотя я не думаю, что они должны это делать. Пускай учителя все умные, некоторые не могут работать с детьми. Но они дают много знаний. Просто к учителям относятся нехорошо, может, от этого

¹ Иницие (устар.) — иностранные

² Скубаться (устар.) — ругаться

они такие серьёзные. И даже если знания кажутся бесполезными, зачастую очень помогают развивать «эрудицию». Ну, то есть знания в разных науках и учениях. Некоторые уроки очень трудные и приходится самому разбираться, хотя так даже лучше усваиваются все уроки. Но нам дают отправную точку и понятным языком объясняют основы. А дальше мы можем разобраться уже сами.

— А как вы сами разбираетесь-то? Мы русскому едва научились.

— У нас есть книги. Много книг, — решила сказать Лена вместо использования слова «Интернет». — И мы записываем на бумаге всё то, чему нас учат.

Бато был очень удивлён. Его лицо скривилось в странном выражении. Лена тоже была удивлена, что так лестно отзывается о нелюбимом месте. Оказалось, там не так и плохо. Лена осмелилась спросить про лицо мальчика. Бато без печали, но будто с утайкой и стыдом произнёс:

— Я увидел медведя, он напал, я испугался. Лицо и застыло.

— Извини меня... Я не хотела тебя обидеть.

— Всё для гостя, Лена, — с улыбкой произнёс Бато.

Мать его, Соелма, предложила ещё немного еды Лене. Та не смогла отказаться, а потом, наевшись, не могла уснуть от того, как полон её живот.

Лена проснулась очень рано, так, что уже рассвело, и тихо выскользнула из юрты. Хозяев дома не было, только Соелма с детьми, которая уже что-то готовила. Объяснив на пальцах, что хочет освежиться, Лена вышла. Было так холодно, что даже пуховик не спасал. Девочка вгля-

дывалась в лес, в горизонт. С тоской она прищурилась. Кругом одна степь, юрты, лес. Нет ни плотно поставленных домиков, ни шумных детей из лагеря, ни пыльной трассы. Стало на душе очень горько. Но тут она увидела Бато, который гнал оленей. Стадо выглядело внушительно и красиво! Мальчик помахал, Лена слегка выдохнула и тоже поздоровалась. Красные от мороза щёки, шуба из шкур животных. И таким трудом жили раньше дети! Это двести лет назад было обыкновенным делом. Ни школы тебе, ни ВУЗов в дикой степи. И как так общество переменялось всего за два века?

Позже, как и обещали, прискакал Лукьян Ничипорович: парень молодой, тоже погодка Лены, в тёплой дублёной шубе, шапке с ушами, рукавицах внушительных и лёгких унтах. Лицо его было хмурым, руки широкие, уже натруженные. Как оказалось, он был сыном казака. Кажется, все люди здесь были суровы и жестки из-за своей нелёгкой жизни, но все радушно принимали Лену. Только ей всё равно было не по себе. Лена увидела своими глазами ещё одну традицию: казачок, при входе в юрту, оставил на улице свои шашку и ружьё. Настоящее оружие, которое несло смерть. От одного вида стало худо.

Лена и Лукьян познакомились. Девочка едва не сгорела со стыда, когда Лукьян, думая, что она высокого рода, решил говорить с ней важно и «не по-казачьи». Он приосанился, вёл себя немного странно, называл её по имени и по отчеству. Верно, гости в таком виде были для них диковинкой.

— Елена Михайловна, наряд у вас необыкновенный, балахон такой узорчатый. Откуда вы?

Как Лене повезло, что она была в длинном платье! Под ним были тёплые штаны, но вид она показывала хоть немного приличный. Девочка только сейчас поняла, почему к ней все так добры. Прямая спина, ухоженные волосы, украшения, узорчатое и с блёстками платье, а главное: лицо и руки. Белое и румяное, почти без изъянов, мягкие руки без мозолей от тяжёлого труда. Дворянка! Но, как ей позже рассказали, отношение к гостю в юрте было особым, кем бы он ни был.

— Спасибо, Лукьян Ничипорович... Я тут проездом. Потерялась в лесу. Может быть, меня уже ищут.

Тут в юрту кто-то зашёл. Лена вскрикнула. Это была Вероника! Девочка была одета в бурятский халат, дэгэл³ в меховую шапку малгай и с сумкой на плече. Она запыхалась, и на её лице появилась невиданная радость, стоило ей увидеть Лену. Во все глаза хозяева смотрели на двух невиданных красавиц. Все перезнакомились, а Лена и Вероника искренне обнялись и порадовались встрече.

— Вероника Альбертовна? Я Лукьян Ничипорович, сын казака местного.

— Я Бато, это моя семья.

— Приятно познакомиться...

Лукьян совсем перепугался: ну точно из Парижу приехали, имена заморские, необычные. Принцессы! Но что они тут делают? Такой вопрос задать было никак нельзя, но было очень интересно...

Мать семейства заваривала чай в котле. Так делали только по особым случаям. Наливала она чай таким образом, что он, разливаясь по пиале, делал круговорот

по солнцу, образуя своеобразную воронку. Чай был не из пакетиков и не листовой, а особенный — кирпичный. Наливала она не до краев, отступая от края на высоту ячменного зерна. Говорила она какие-то заговоры или, как это называется, мантры. Соелма подала пиалу Лукьяну правой рукой, а Веронике и Лене — левой. Лена загляделась на это и сразу же забыла обо всех проблемах. Для всех в юрте кроме неё это было привычно. Вероника, после приветствий и расспросов, шепнула Лене:

— Лена! Вика у шамана местного осталась, мы побежали вслед за тобой и вышли с другой стороны леса, чуть севернее. Нас заставили плутать духи боохолдой, они путают всем дорогу. Мы правда в прошлом?

— Как видишь, тут и казачий сын, и древний бурят... Как мы будем выбираться?

— Шаман сказал, что Бато пару дней назад разбудил в лесу какого-то духа, вроде альбиной его зовут. Это что-то вроде нашего черта. Альбина напугал Бато. А потом этот черт со злости перенёс нас во времени! Нам нужно его задобрить и как можно скорее. Иначе мы не вернёмся домой! Шаман будет ждать нас там с Викой ближе к полудню, чтобы провести обряд.

Лена решительно начала действовать. Попивая чай из красивой пиалы, она начала разговор.

— Правда, Лукьян Ничипорович, что охота здесь процветает? — с милой улыбкой спросила Лена.

— Всё так, сударыня, — гордо улыбаясь, сказал молодой казачок, — И соболя, и медведь, и лось водится. Белок намеренно, пушного зверя тоже.

3 Дэгэл — бурятская верхняя одежда по типу халата

Лена мельком глянула на Веронику. Знания Вероники и её дополнительные часы изучения французского языка не прошли даром. Та с азартом спросила:

— А у вас, Гармажап, *beaucoup de cerfs*⁴! Ой, извините, не могу привыкнуть к русскому языку. У вас так много оленей, я хотела сказать. Мы так хотим посмотреть на них, в Париже-то не водятся такие животные!

Лена якобы обиженно глянула на Веронику. Вторая девочка прикрыла рот рукой. Тайна их происхождения была раскрыта!

— Так вы из Парижу? — удивлённо вскинул брови Лукьян Ничипорович. — А чем обязаны таким высоким гостям, сударыни?

— Да потерялись мы, Лукьян Ничипорович! Отбились от воза нашего, ехали-то в Иркутск, да в пурге недавней и потерялись, — с показной грустью обнимая Веронику, сказала Лена.

— Не плачьте, не плачьте! Отвезём и до Иркутску, сударыни! Не плачьте! — начал успокаивающе говорить Гармажап. — Хотели на оленей посмотреть? Бато! — отец заговорил дальше что-то на бурятском, а Бато, кивая, соглашаясь, встал и повёл гостей ко двору с оленями.

Чуть позже Лена с улыбкой гладила оленя в загоне, покормила сенцом, которое дал ей Бато. Парни с показной гордостью смотрели на оленя, точнее олениху, Бато красовался перед Лукьяном своими оленями, а Лукьян говорил, как хороши его лошади. Лукьян рассказал, что лошадь для казака — это жизнь, что его самого впервые

4 *beaucoup de cerfs* (с франц.) — много оленей

на лошадь посадили, когда ему был год отроду. Тогда же и шашку его нарядную подарили. Едва не завязался за девичье внимание спор. Тут Вероника говорит:

— Бато, а могу я попросить и мне еды для вашего оленя?

Он радостно кивнул и, когда вернулся с сеном к Веронике, та слегка задержала его и тихонько сказала:

— Мы с Леной знаем, что случилось с тобой в лесу. Мы здесь на самом деле из-за этого духа. Бато, ты можешь нам задобрить его? Иначе нам никак не вернуться домой.

Мальчик удивлённо кивнул. Лена посмотрела на него с улыбкой, а Лукьян внезапно сказал, заметив это перешептывание:

— А вы говорили что-то об охоте! Хотите посмотреть? У меня с собой ружье, белок постреляю. Даже подарю, сударыни.

Бато покосился на девочек. Вспомнив, как Лена недавно упала в обморок при виде мёртвого лося, тот закачал головой, но тут же, задорно улыбнувшись, Вероника сказала:

— Дядя наш охотник! Леночка-то не переносит этого, а я-то даже охотилась один раз. Ох, как хочется детство своё вспомнить.

Лена возмущённо посмотрела на Веронику. Когда она так научилась врать?! Будто бы правду говорит. Девушек никогда на охоту не брали, мальчикам не нравилась эта затея. Но вдруг что-нибудь случится с ними, если они желания этиху француженок не удовлетворят. Но, делать нечего, девочек в лес сопроводили. Лукьяна Ни-

чипоровича пришлось брать с собой. Лена подошла к Веронике и шепнула:

— А что нам делать-то нужно, Вероника?

— Увидим шамана, а дальше придумаем.

Пока Лукьян начал говорить о белках, об охоте, а Бато с ним спорил, Лена и Вероника прошли дальше в лес, туда, где они оказались первым делом: у сломанного дерева и пня с ручейком. Шамана они не увидели. За то с диким свистом и криком на них выпрыгнул человечек в половину людского роста, да такой свирепый! Альбина это был, и летел он прямо на Лену! Лукьян вскрикнул и в боевом жесте достал шашку. Бато сжался в страхе, но загородить собою Лену в последний момент смог. Полурослик альбина, а может и сам леший, вцепился в его лицо и что-то свирепо зарычал на бурятском наречии. Вероника закричала, Лена, умоляюще, звала Вику и шамана, схватив тяжёлую палку. Где-то в кустах слышались тяжкие стоны, непонятная возня. Лукьян пытался оторвать от упавшего Бато альбину, пытался махать перед ним шашкой, да был он очень ловким, всё уклонялся от ударов казачка. Лена, увидев, что Вероника остолбенела от страха, грубо тряхнула её за плечи и сказала:

— Вероника, иди посмотри, что там в кустах! Быстрее! Найди шамана!

Вероника кивнула, побежала, а Лена опустилась к Бато. Тот лежал еле живой от удара о землю, а от когтей альбины на его щеках остались глубокие царапины.

— Бато, ты живой? Бато!

— Живой, живой, басаган. Головой только... Ударился...

Он, кажется, потерял сознание. Лена не могла его дозваться. Очень шумел Лукьян, перекрикиваясь какими-то оскорбительными и боевыми фразочками с духом то на русском, то на бурятском. Внезапно Лукьян пропустил удар и с возгласом свалился в сугроб. Это было поражением. Все парни были небоеспособны, а дух с оскалом глянул на Лену. Он был грязным, в шкуре мелкого зверька и в испачканной пылью рубахе. Непонятно было, женщина или мужчина этот альбина, но сейчас роли это не играло, потому что Лене нужно было защищаться. Из Интернета про бурятскую нечисть она знала совсем мало, и понимала, что толстая палка против альбины не поможет, просто сжала её покрепче.

— Что тебе нужно?!

Ответ, конечно же, не заставил себя ждать: дух набросился на Лену, оголяя в свирепом кличе свои клыки. От страха Лена зажмурилась. Вдруг натиск стал ослабевать. Недоверчиво открыв глаза, Лена тут же заплакала от радости.

Вика, бывшая то в шаманский бубен, то по голове полурослика, пела что-то даже не на бурятском языке, а на языке нечистой силы: страшном и опасном. Наверяд ли она правда знала обряды шаманистов, но заставить остолбенеть альбину могла. За ноги бурятского чёртика держал выползший из сугроба Лукьян. Он улыбнулся Лене, увидев её взгляд. Лена слегка выпрямилась, тогда очнулся и Бато. Вероника с трудом вытащила из другого сугроба старого шамана, только пришедшего в сознание.

— Вика, я так рада видеть тебя!

Домовика улыбнулась. Она кивнула, но прилюдно об-

нимать не стала. Вместо этого грозно спросила что-то у альбины, на что получила такой же неясный ответ. Вдруг, двинувшись, старое сломанное дерево и пень превратились в... Старика и Старуху! Все разом охнули, а альбина тайком сбежал. Черти одинаковы своей свирепостью и хитростью во всех рассказах. Во всяком случае, это работа шамана.

— Хватит разводить злость в нашем лесу, дети, — грозно сказал старик.

Вика почтительно поклонилась и положила на землю бубен.

— Хозяева леса, старик Орьел и старуха Сорьел?

— Твоя правда, домовой, — кивнула Сорьел.

Кажется, мальчиков уже не удивляли уши и хвост Вики. Лимит удивлений был исчерпан, стоило им увидеть самих хозяев леса.

— Бато. Часть твоего лица застыла из-за колдовства нашего. Но в этом есть твоя вина. В этом тихом месте живём мы, а ты нарушил покой, когда убежал из дома и сетовал тут на своих родителей. Ты говорил, что хочешь уехать отсюда, не хочешь жениться. Это нам не понравилось, — серьёзно сказала старушка.

— Не понравилось нам и твоё желание, Лена, отказаться от учёбы. Поэтому мы затянули тебя в другое время. Бойтесь своих желаний, ребята. Иногда они могут сбываться в неверном ключе.

Бато и Лена переглянулись. Лена держала слово первой:

— Простите меня. Я так боялась трудностей в школе и предстоящей работы, что сказала эту глупость. Теперь,

увидев настоящие трудности и препятствия без знаний, я готова сказать, что ошиблась.

— Я... Тоже должен извиниться. Духи не должны терпеть такого неуважительного отношения. Да и желание моё было глупым. Я просто хочу учиться грамоте, знать больше о мире. Почему радуга на небе, почему идёт дождь, почему летом жарко... Я, конечно, знаю объяснения с точки зрения мира духов, но даже Лукьян Ничипорович говорит по-другому. Хочу знать все точки зрения. Чаво уж там, я не должен был так плохо говорить о своих родителях.

— Честно говоря, Бато, я считаю, что ты выглядишь хорошо и так. Знаешь, необычная такая у тебя ухмылка теперь. А родители любят тебя, потому поймут твоё желание. Только поговори с ними.

Бато улыбнулся, немного смутившись. Сорьел и Орьел были довольны. Они, конечно, были бурятскими духами, но отчего-то умели и говорить, и понимать на всех языках. Бато внезапно улыбнулся двумя сторонами рта. Нахмурился, засмеялся. Он встал и заплясал, забывая о расцарапанном лице и болевшей голове. Лукьян тоже встал и с интересом глянул на Лену, Вику и Веронику.

— То есть вы соврали нам, Елена Михайловна?

— Простите меня, пожалуйста. И Веронику Альбертовну тоже. Но иначе бы вы не поверили нам, Лукьян Ничипорович. Мы на самом деле из будущего.

— И каково оное будущее? — с надеждой в голосе спросил молодой казачок.

— Тебе не стоит много знать, — прищурившись, предупредила Вика.

Бесконечная лента событий пронеслась мимо глаз Лены. Революция, взлёты, падения, тяжёлые войны, миллионы добрых, горестных историй... Ничего нельзя было рассказать им, но искушение было большим. Лена твёрдо сказала Лукьяну:

— В будущем, построенном вашими руками... Очень хорошо. Главное, что счастье в терпимости и любви. К друг другу, знаниям, богу. Не воюйте, пожалуйста. Вы с Бато братья, не по крови, но станьте ими. Вы делите одну землю, так учитесь друг у друга. Будьте же на ней счастливы.

Лукьян и Бато задумчиво глядели на Лену. Вероника тяжело вздохнула, а Вика положила бубен к шаману, медленно приходившему в сознание. Леший даже улыбнулся, открывая невидимую дыру в пространстве.

— До свидания, — улыбаясь, крикнуло трио мальчикам.

Они, внезапно бросив тяжесть с сердец попрощались весело с ними в ответ. Портал был закрыт. А солнце, луна на небе 2020 года не сдвинулись ни на миллиметр. Внезапно Вика, едва не заплавав, крепко обняла Лену. Девочка даже испугалась.

— Вика, ты чего?

— Лена, мы должны были тебя поддержать и успокоить. Если бы не мои нравоучения, этого всего не случилось бы. Друзья должны слушать друг друга.

— Вика, — Лена подхватила её на руки, будто ребёнка и улыбалась, — в этом есть и доля моей вины. Вы мои друзья. Спасибо, что спасли меня, Вика, Вероника.

Все дружно улыбнулись и заобнимали друг друга с

чистым сердцем.

— Сколько прошло времени? — спросила Лена.

— Минута, — с улыбкой сказала Вика, превращаясь в шарф.

— Да уж, вот же влетит мне от мамы за такой внешний вид, — сказала Вероника в дэгэле. — Хорошо, что я захватила всё-таки свои старые вещи. Жалко, что у шамана одежду выпросила, но уже ничего ему не верну.

— Где же твои вещи? — удивилась Лена.

— В сумке. Вот, смотри.

В сумке на плече Вероники был её грязный пуховик и прочая личная одежда.

На душе было легко. И костюм из прошлого захватили, и свои вещи сохранили. Лена вздохнула и улыбнулась. Школа и правда больше не была глупым выбиванием оценок. Теперь... Всё было по-другому, потому что у этой доброй семьи со своей верой, образом жизни и порядками Лена сама стала другой. Встретив на своём пути становления личности таких людей, что показали ей другой мир, она научилась принимать всех, кто бы ей ни встречался.

РАССВЕТ НОВОЙ ЖИЗНИ

ПРИРОДА НАХОДИЛАСЬ на пике своей красоты и благоухания. Начало августа — самое прекрасное время в году, как думала Лена. И в этот месяц долго планируемый отпуск всё же состоялся. Лена ждала отдыха почти что так же сильно, как её вечно работающие родители. И на этот раз, услышав куда Лена собралась ехать, её заботливая Вика тяжело вздохнула и сказала, что вновь составит подруге компанию. Ладно, в прошлый раз на Рождество она её не предупредила, но сейчас, под допросом Лены, Вика сдалась, поставила в известность о своих планах. В день отъезда, показывая своё магическое мастерство, Вика превратилась в красивый гребень для волос. Потому и не составило труда Лене взять домовику с собой в сумку.

На удивление, Вика почти не казалась носу. А Лена, наивно списав это на дружескую любовь и понимание, вдоволь отдыхала с родителями. Тем более, удавалось это хорошо. Большая река напротив снятого домика, полянки, луга, рощи, а неподалёку — яблоневый сад. Живописность городка — скорее деревни по сравнению с большим городом — заполняла мысли. Вроде и не было ничего интересного в одинаковых и обыкновенных склонах, деревьях, пении птиц. Но в силу своего возраста, Лена, которой открывался уже давно мир, полный непонятного и мистического, находила в знаках природы удивительные и волшебные вещи.

Нашла Лена как-то, гуляя по городскому подобию рынка с торговыми рядами для туристов, лавку с шоколадом, мармеладом и прочими сладостями. Цены кусались. Но вспомнив о своей домовике, так любившей всякие шоколадки, Лена купила на одни из своих последних карманных денег этих дорогих, но качественных конфетин, да дудочку, украшенную хохломой. Вернувшись домой поздним вечером, коварно дождавшись, пока родители уснут, она тихонько позвала Вику у себя в комнатушке:

— Вика, выходи! Не представляешь, что я нашла сегодня на рынке. Давай сюда скорее, долой сон!

Лена села на ковёр, новый и красиво вписанный в интерьер. Девочка бережно развязала пакетик конфет. Но на заветный звук не выпрыгнула, как обычно, пугая и смеясь, Вика. Не было и шороха. Лена тревожно осмотрелась. Думать о том, что могло случиться, она не хотела. О том, что в дороге могла обронить гребень, потерять лучшую подругу, было глупо, ибо Лена всегда перепроверяла гребешок у себя в сумке. Но в такие тревожные моменты страшные мысли посещают первыми.

Лена полезла под кровать, еле разглядывая, что там.

— Вика!

— А-а?

— Вика, а ну вылезай! Ты так меня напугала!

Вика, сонная и отчего-то очень уставшая, покачала головой в полудрёме и повернулась к Лене спиной, двигаясь дальше к стене. Лена, рассердившись, потянула к ней руки и с необычайной лёгкостью вытащила Вику. Домовика сразу проснулась и с испугом попыталась вернуться под кровать. Но было поздно, и Лена уже увидела.

— Вика, что с тобой такое?!

Сверкнул только хвост, когда Вика начала уползать, а Лена схватила рыжий мех и... Её пальцы прошли насквозь, как если бы она пыталась трогать какой-то морок или туман. Вика обиженно поджала хвост, обернулась и села на пол рядом, под свет луны. Чудные лучи прошли насквозь через хвост домовики, как через стекло. Личико её осунулось, а волосы, ложась на плечи тяжело, мало напоминали взъерошенные и пушистые. Лена, кажется, даже затаила дыхание, прикрывая рот рукой.

— Чего звала меня? — как отрезала, отрешённо спросила Вика.

— Вика, что с тобой?.. Что с твоим хвостиком? — снова касаясь меха, спрашивала, чуть ли не в слезах, похолодевшая от страха Лена.

Вика отодвинулась, и, прячась в тени, поджала к себе ноги.

— Ты никогда не спрашивала меня, откуда у меня лисьи уши и хвост...

— Ты же домовой! Я думала, так у вас заведено. Да и сама-то ты ничего не рассказываешь, отчего я виноватой остаюсь?

— Я много что от тебя таила. Но сейчас смысла не договаривать нет. Я пропаду к полудню.

Лена почувствовала, как неведомая сила запретила ей дышать, а на глаза навернулись слезинки. Девочка быстро моргала, сжав своё домашнее платице.

— Ты что такое говоришь?..

— Не плачь, пожалуйста, — дрожащим голосом, сама едва ли не в слезах, начала Вика. — Я понимаю твои

чувства. У меня раньше тоже были родители, и сама я была ребёнком, как ты. Только я не была человеком. Я, маленький лисёнок, жила в роце рядом с деревней. Там строили избы, рубили лес. Еды в лесу почти не было из-за расточительства местных, то перебивавших дичь, то нашего брата. Вот я и решила сходить к ним: все и повсюду, например волки, болтали о том, какие жирные овцы и куры у людей. Я, рискуя, пошла к избе. Она была совсем новой, а у хозяев уже был петух и пара курочек. Я не сдержалась, да съела петуха. Ох, как накинулись они на меня... Камни, ружьё, я помню, беспробудный сон и чернота, а потом уже проснулась я домовикой. Лисий ребёнок, я так и осталась навеки маленькой, в каком бы ни была я облиции. Но, на моё счастье, мне не пришлось отвечать на вопросы самой. Рядом, в самой старой избе, жила другая домовика, Марья, являлась она то в виде чёрной кошки, то в виде старушки. Тогда и рассказала мне она, что мы — домашние духи, обязаны хранить свой дом. Без него мы существовать не можем. С трудом я приняла свой новый облик и обязанности.

Лена помотала головой, боясь сложить два и два. Она закрыла глаза руками и тихо начала:

— Потом на месте твоей избы построили многоквартирный дом. И ты...

— Да, впервые вышла из своего дома я с тобой. Долго я замечала это, но как покидала свой дом, я слабела. Когда всё стало хуже, я решила сходить к Марье. Её домашние, бабушка Женя твоя, да муж её были людьми умными, знали, что домовика у них есть, вот и взяли с собой в другую деревню. Но я не могла тебе сказать, что

я слабею, потому тайком с тобой на Рождество поехала, чтоб у Марьи совета спросить. Она посоветовала мне никогда из дому не ходить, иначе пропаду. Но я решила, что доживу свой век, оберегая тебя, такую непоседу и магнит неприятностей.

— Но ты же теперь умираешь! Это же так глупо! Я бы справилась.

— Ты ведь о нечистой силе ничего не знаешь, в опасности всегда. Вдруг что-то случится с тобой... А зачем мне существовать так долго и бесконечно, если без любви и друга? Я, пускай и лисёнок, но благодаря тебе, Фёкле, вашим предкам я поняла, что это значит — быть человеком. Такая жизнь меня вполне устраивает, Лена.

Девочка, уливаясь слезами, крепко обняла Вику. С трясущимся голосом она сказала:

— Я купила тебе конфет... Дудочку... Не для того, чтобы ты так легко ушла!

— Мне? Правда? Тогда давай выпьем чаю. Я обещаю, съем все конфеты и сыграю утром для тебя на дудочке.

Лена не хотела мириться с такой лёгкостью на сердце Вики. Потому что она знала, как ей тяжело и страшно, несмотря на внешнюю безответственность и спокойствие. Лена увидела впервые, как Вика задремала после вкусных конфеток и чая. Милая беседа, которую они развернули во время чаепития, будто стёрлась из памяти. Это заставило сердце больно сжаться. Нет, Вика должна жить... Она же её подруга! Она же самый верный товарищ и та, кто всегда выслушает... Судорожно Лена начала искать способы спасения Вики. Но Интернет не мог дать внятного ответа.

Первые лучи солнца осветили горизонт. Лена подняла голову от подушки и поняла, что всё же уснула. Голова закружилась от страха. Но Лена увидела, что Вика, ушки и хвост которой почти пропали, всё ещё лежит рядом. Экран телефона засветился, Лена с дрожащими руками убрала его, чтобы не прерывать сон Вики. Но телефон привлек её. На экране блокировки было написано: «4:56. СБ, 19 августа». В голове что-то должно было щёлкнуть. Но Лена не могла понять, что не так с этой надписью. Выглянув в окно, девочка вглядывалась в пейзаж. Яблоки, наливные и розовые, как девичьи щёчки или перо жар-птицы, так и подмигивали ей.

— Яблоки...

Лена встрепенулась. Ну конечно! Яблочный Спас! Волшебная птица Алконост! От взмаха её крыльев в рассветный час все яблоки в яблочном саду, где она пела радостные песни, становились целительными. Даже не задумываясь в полудрёме о том, что Алконост жила на таинственном острове возле моря, что петь она могла в другом саду, или ей просто могло не повезти увидеть Алконост, Лена скоро оделась и со всех ног побежала к саду, минуя другие домики, ручеёк и всякие заборы. Мысль о том, что если принести Вике яблочко, это спасло бы её, так окрыляла, что за считанные минуты Лена оказалась в саду. Но... Где искать птицу? Эта мысль резко отрезвила Лену. Кусая губы и оглядываясь, Лена внезапно начала кричать первое, что пришло на ум:

— Волшебная птица Алконост! Магическая и великая. Покажись мне, прошу! Помоги, взмахни крылом, пропой песню, Алконост, спаси мою Вику! Она очень хорошая,

правда.

Тишина.

— Я сделаю всё, что ты попросишь!

— Какие громкие слова, дитя.

Лена, испугавшись, но сдержав крик, обернулась. Сверху, прямо над ней, на ветке яблони сидела птица: до пояса была она женщиной, а руки её и ноги были птичьи. Чёрные перья отливали всеми оттенками голубого, можно было в предрассветных сумерках увидеть и фиолетовые, даже красные отблески, будто бы не перья это были, а камни драгоценные. Чёрные волосы были длинны, едва ли не до птичьих пят. Глаза — гипнотические сапфиры, загадочно прикрытые, сияющие на бледном лице. Серебряные усерязи¹ блестели. Лена робко подошла к чудо-птице.

— Здравствуй... Алконост, могу ли я взять несколько целительных яблок из этого сада для своей подруги?

— Как ты назвала меня, смертная?!

Лена остолбенела. Пение птицы остановило, казалось, даже дыхание девочки, выслушивая стихи, наложенную на музыку ветра и шуршания листвы.

Как думаешь ты,

Сколько лет я скучала?

Все вы нечисты,

¹ Усерязи — височные кольца. Популярными женскими украшениями на Руси считались усерязи. Они имели форму проволочных колец с лопастями или ромбообразными узорами. Их закрепляли на головном уборе, вплетали в волосы, носили в ушах и за ними, прикалывали к ленте. Крестьянские мастера изготавливали их из медных и железных сплавов.

Лучше б ты молчала!

О как же смертные глупы!

Мечтают, что им всё известно

О как пусты и лицемерны,

Но правда так нелестна.

Не знаете любви,

Не знаете о горе,

И мир весь ваш в крови,

И тонешь даже ты.

Лена с пустыми глазами смотрела, как поющая птица ходит вокруг неё, как хищница, оглядывала девочку глазами полными презрения.

Внезапно раздалась задорная музыка: вроде как, дудочка. Птица прервала своё пение и властной походкой приблизилась к источнику шума.

Это была Вика! Домовика, издевательски весело играя старую мелодию, ещё и пританцовывала. Лена мотнула головой, едва не упав, не сразу поняла, что произошло.

— Ты не умеешь играть, смертная. Убирайся с глаз моих.

— Я не смертная, Сирин. Я домовика.

Сирин была удивлена. Но, не показав виду, усмехнулась и прошипела:

— Какой ты домовой, если не в избе сейчас?

— Можно сказать, что Лена — мой дом. Потому что она мой друг. А в доме можно назвать не только строение... Лена, ты в порядке? Сирин успела тебе навредить?

Лена подошла к Вике, сторняясь Сирин. Птица отвела взгляд и сложила крылья.

— Я... Да, со мной всё хорошо. Извините, Сирин, я

перепутала вас с другой птицей... Не могли бы вы сказать, где Алконост? Уже почти рассвет.

Сирин помрачнела. Она повернулась к солнцу и задумчиво посмотрела на розовый горизонт, закрытый далёким лесом.

— Она потерялась. Я не обнаружила Алконост в Сказочном царстве. Уже нужно было улетать сюда, и я не стала разбираться. Мне, честно говоря, не важно, где Алконост. Если вам так важно, могу отправить вас в Сказочное царство, а дальше уж сами разберётесь.

— Но где нам её искать, Сирин? — умоляюще спросила Лена, нервно смотря то на яблоки, то на солнце.

— Посмотрите у Бабы Яги, — сразу же ответила Сирин. — Если у неё нет, то нет нигде.

Вика тревожно дёрнула Лену за рукав. Девочка не заметила этого и смело сказала:

— Пожалуйста, отправь нас туда!

— Лена, постой, там...

Сирин улыбнулась и, прервав Вику на полуслове, взмахом крыла отправила их в Сказочное царство. Но, честно говоря, на сказку это мало чем походило. Мрачные сосны окружили Вику и Лену, казалось, кольцом. Пахло не свежестью соснового бора, а сыростью, мертвецкой затхлостью.

Небо и впереди, и сзади было черно, зеленовато. Вика, уже совсем без ушек и хвоста, вдруг вскрикнула:

— Лена, что тебя вообще дёрнуло в этот сад?! Ум есть у тебя, или уже всё? Пропал?

— Но Алконост ведь может сделать целительные яблоки! Чтобы спасти тебя, Вика, я пошла в этот сад. Откуда мне было знать, что там ещё и Сирин? Ну, точнее, я знала, но забыла... Но сейчас мы быстро доберёмся до Бабы Яги, договоримся с ней и спасём Алконост. Всё будет отлично!

Вика удивлённо взглянула на Лену, насупила брови, потом округлила глаза, а после грустно улыбнулась. Эти эмоции на её лице были непонятны Лене да и, кажется, самой Вике.

— Лена, ты не знаешь, кто такая Баба Яга. Не рискуй своей жизнью, пожалуйста. Нам пора домой.

Лена настойчиво потянула домовику за собой, ступая ровно по тропинке, взявшейся из ниоткуда и уходящей от одной стороны горизонта до противоположной. Вика пыталась вырваться и со злостью сказала:

— Лена, глупая ты голова! Это Навь! Сгубят тебя здесь, а меня, как пыль с книжки, сдуют куда подальше. Баба Яга так просто ничего не даёт, как и Навь. Здесь не место живым, Лена!

— Та самая страшная Навь, откуда ползёт вся нечисть? Ничего, я магнит для проблем, значит мы в один счёт

найдем Ягу. Так... А вот и избушка! Не будем терять время.

Лена была смела, но Вика-то чувствовала, как холодна и как дрожит её ручка. Девочка и домовика свернули с тропы в лес. И свернули они будто в другой мир. Тропинка потерялась, а избушка оказалась лишь тенью, стоило подойти ближе. Лена остолбенела.

— Всё, Лена. Лес забрал нас...

Страшный скрип, шепот и шуршание заставляли озираться по сторонам. Лена сжала ткань одежды на груди. Её била дрожь.

— Вика, но я должна тебя спасти... Должна, ведь ты столько раз спасала меня, Вика!.. Эй, ты, Баба Яга! Если ты слышишь меня, если ты и правда вся такая страшная...

— Лена, молчи! — судорожно пыталась успокоить её Вика.

— Покажись мне сейчас же! — немедленно вскрикнула Лена.

Всё было тихо, а на зов Лены так никакая избушка и не появилась. Лена упала на траву, закрывая лицо руками. Вика опустилась рядом, глядя плечо подруги, пытаясь утешить. Лена слегка отстранилась и запустила руки в траву, в опавшие шишки, иголки, листья... Странно, откуда же тут листья? Совсем свежие, пускай и подсохшие, на фоне уже жухлой травы они выглядели инородно. Взворошив листья, Лена увидела перо. Перо то было большим, почти что с руку, от кончиков пальцев до локтя. Переливалось оно красным и синим, даже источало мягкое оранжевое свечение, и было оно всё узорчатое да волшебством пропитанное. Вика удивлённо смотрела на

него, как и Лена.

— Поймали вы моё перо, дети. Исполню я теперь любое ваше желание.

Вика и Лена смотрели на вторую птицу. Так же женщина, до пояса с птичьими крыльями и ногами, ласково смотрела на заблудившихся. Русые волосы вились и ложились красивыми локонами на плечи. Её медные усерязи весело бликовали. Взгляд зелёных, малахитовых глаз был добр и спокоен. Перья её красные, зелёные, светлые и тёмные.

— Кто вы? — спросила изумлённая Лена, встав и прижимая к сердцу её перо.

— Я — птица Гамаюн. Я знаю всё на свете, могу сделать всё возможное и невозможное. О моём славном имени слагают сказы, песни. И знаю я, что ищете вы. Позвольте мне быть вашей проводницею.

— О, Гамаюн, помоги нам, пожалуйста! Отведи нас к Бабе Яге, у неё, как сказала Сирич, в пленницах Алконост. Нам срочно нужна Алконост! Мы даже попытаемся сами вызволить её, только приведи нас туда, прошу...

Вика любовалась красотой Гамаюн, а та, наклонив голову, посмотрела на Вику без тени жалости и согласилась их провести. Шли они глубже в лес, в его непроглядную тень. Путь они держали три дня и три ночи, если можно было сказать, что здесь вообще были день или ночь. Долго ли, коротко ли, вышли они втроём к избе на курьих ножках, без окон, но с дверью, обращённой к ним. Гамаюн кивнула, без слов подзывая Лену позвать Ягу.

— Баба Яга, пришли мы к тебе с миром! Отдай, пожалуйста, нам птицу Алконост, а условия можем обсудить,

— выкрикнула собравшаяся с силами Лена.

Вика опешила от такой дерзости, а Гамаюн спокойно улыбнулась. Дверь отворилась, и на пороге появилась женщина, хромающая на одну ногу. Волосы её были посеребрены, а лицо, будто у мертвеца, бледное. Женщина приказала избе опуститься к земле. Тут же с жутким скрипом дом исполнил желание хозяйки. Яга ступила на землю и подошла к Вике, Лене и Гамаюн. Первые двое тряслись от страха.

— Не знаю, о чём говоришь ты, смертная, но чую я русский дух. Живая, а подружка-то твоя одною ногой уже в могиле. Но не по воли смерти вы здесь, так зачем тревожили меня?

Холод, который веял от Яги, сковывал движения. Пускай она и не была старухой, но пугала. Лена, сжав кулаки, заслонила собой Вику и грозно сказала:

— Сирина сказала, что Алконост у тебя, Яга. Нам нужны целительные яблоки, которые может сделать только она. Освободи Алконост, мы с тобою поделимся яблоками этими, только освободи.

— Не знаю я ни о какой Алконост! Есть у меня всё, даже гусли-самогуды, но нет никакой птицы. Улетела она к вам, смертным, песни распевать, — разозлившись, вскрикнула Яга.

— Извини нас. Можно мы возьмём хотя бы гусли? Ты знаешь, Яга, Гамаюн долг отдаст, — улыбаясь, сказала птица, протягивая крыло.

Что? Гамаюн ведь знает всё, она обещала привести их к Алконост, а в итоге ничего?! Её обманули! Лена возмущённо глянула на новую знакомую, недоверчиво — на

Бабу Ягу и вопросительно на Вику, ища поддержки. Тут она заметила, что домовика, полуживая, лежит на траве. Схватила тогда Лена её на руки, да весу почти не чувствовала. От переживаний за подругу Лена не могла вымолвить и слова. А Баба Яга, недовольно побряхывая, отдала гусли птице Гамаюн.

— Нам пора, Лена. Нужно торопиться.

Лена, отрешённо глядя на Вику, подошла к крылу Гамаюн. Она обняла её, и всё вокруг засияло земным, рассветным светом. Луч солнца, упавший на лицо Бабы Яги, показал её второй облик: старой и сморщенной старухи. Лена в ужасе зажмурилась, а, открыв глаза, увидела тот же яблоневый сад и обескураженную Сирина. Гамаюн положила наземь гусли-самогуды и мягкой, плывущей походкой приблизилась к Сирина.

— Обманув смертного, ты не получишь желанного.

— О нет, ты ошибаешься, ха-ха-ха! Гусли, играйте, опьяняйте, да мне подпевайте! Ах, гусли мои гусли! — закружилась и затанцевала Сирина.

— Почему вы обманули меня?! Сирина, Гамаюн! За что вы так с Викой? Она же умрёт, — вскрикнула Лена, ударяясь в рыдания. — Умрёт, пропадает уже! Мы столько времени потратили зря...

— Я не говорила, что Алконост у Яги. Я всего лишь предполагала, глупая смертная! — под весёлый звук гуслей, напевая, объяснила Сирина. Но вдруг те сбились,

заскрипели и засвистели, больно ударив по ушам. Лена упала на колени, больше не в силах держать Вику. Домовика приоткрыла глаза. Почти полностью через её тело проходили лучи встающего солнца. Не прошло и часа здесь, пока они были в таинственной Нави.

— Мы спасли Алконост? — прошептала Вика, вглядываясь в окружение.

— Да почему все говорят об одной Алконост?! — трагически вскричала Сирин, переворачивая гусли и впиваясь в землю когтями. — Никто не любит мои песни, только её! Теперь вы тоже поймёте, смертные, что вы никто без Алконост, а она даже не явилась к вам, не снизошла. Ждите чуда дальше, а его ведь не случится! Потому что вы недостойны.

Лена опустила к Вике, которая с тревогой смотрела на подругу.

— Каждый достоин жизни, Сирин. Потому и не любят тебя, не ценишь ты величайший дар всех времён.

Внезапно ослепительный свет упал на землю. Золотые перья, её волосы, крылья были прикрыты вуалью из свежей росы, налиты были румянцем ланиты, весёлые глаза, будто бирюза и праздник жизни, что так и читался на этом лице и настоящем золоте, из которого, кажется, состояла вся третья птица — Алконост.

— Здравствуй, мир! Здравствуй, жизни пир!

Взмах крыльев — и лучистая роса разлетелась по всему саду. Лена засмеялась сквозь пелену слёз.

— Вика, ты видишь это? Я сейчас, сейчас принесу тебе яблоко! Только подожди, Вика, прошу, секунду!

На подгибающихся ногах Лена подбежала к яблоньке, но сбила её с ног Сирин.

— Почему одним суждено спасать жизни, а другим — ничего не предназначено, кроме горя и боли? Это несправедливо!

— Несправедливо то, Сирин, что из-за несчастья другого несчастны все остальные, — ответила Гамаюн, грозно хмурясь.

— Нет ничего дороже жизни, пойми, Сирин, — улыбнулась Алконост, отдавая яблочко, золотисто блестящее, в руки Вики.

Домовика будто очнулась ото сна: она надкусила яблоко и с каждым кусочком его становилась всё ярче и чётче. Лена засмеялась и разревелась, упала на траву рядом с Викой. Та заплакала тоже, обнимая крепко свою подругу. Вика шевельнула хвостом, ушками, всхлипнула от счастья.

— Спасибо вам... Спасибо, вы спасли Вику! — прошептала Лена.

— В этом празднике жизни нет места мне, — горделиво вскинула голову Сирин, едва ли не заплакав.

Вика, внезапно вырвавшись из объятий подруги, неуверенно встала и сказала Сирин:

— Место печали и боли — одно из главных мест в жизни, Сирин. Без грустных песен навряд ли бы кто-то знал о том, какие песни весёлые. Без тьмы бы не было

света. Сирин, ты не такая злая, какой хочешь казаться, — с мягкой улыбкой сказала Вика.

— Мне пришлось обмануть Лену, чтобы она пришла к Бабе Яге и взяла у неё гусли-самогуды. Но благодаря этой лжи я привела Вику и Лену к Алконост и дала понять тебе, что даже с гуслиями твои жестокие песни не станут лучше, — вздохнув, призналась в грехе Гамаюн.

— Без тёмной ночи не будет яркого рассвета, — обнимаемая мягким сияющим крылом Сирин, сказала Алконост.

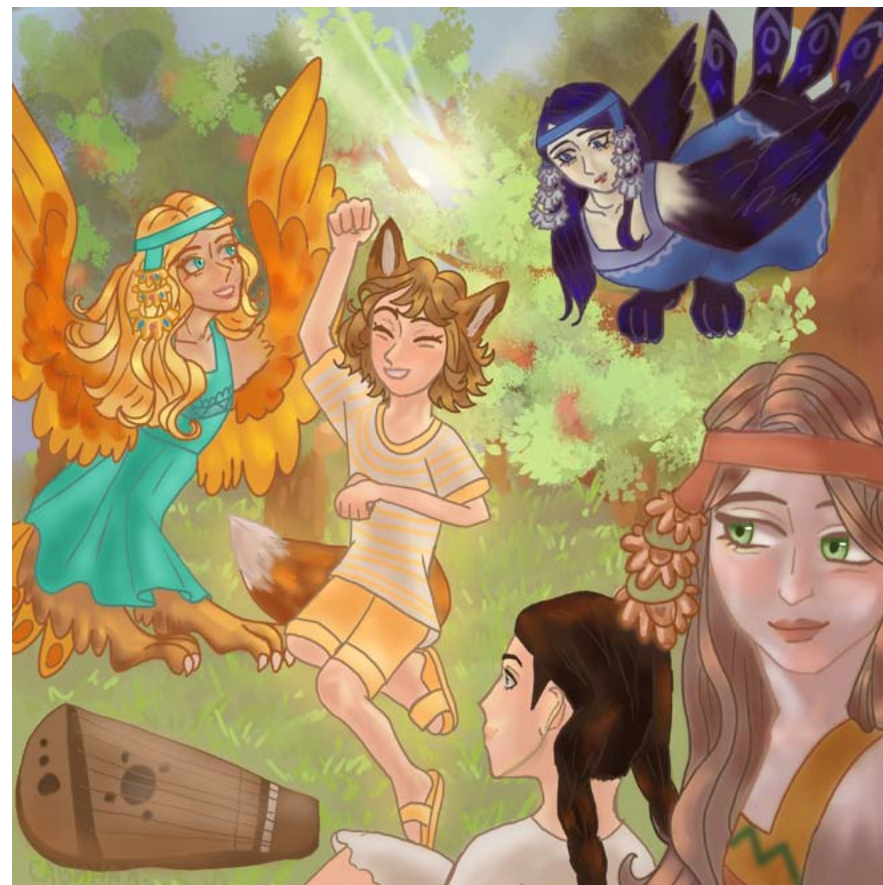
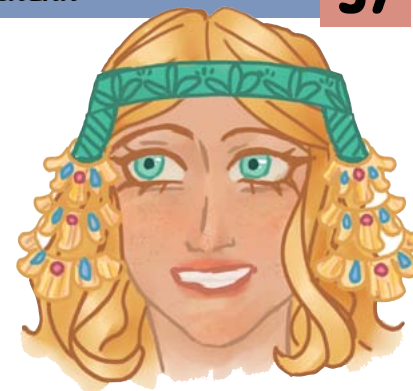
«И старый ясень,
Ссохшийся от времени,
Помнит света тень
И звуки радости»

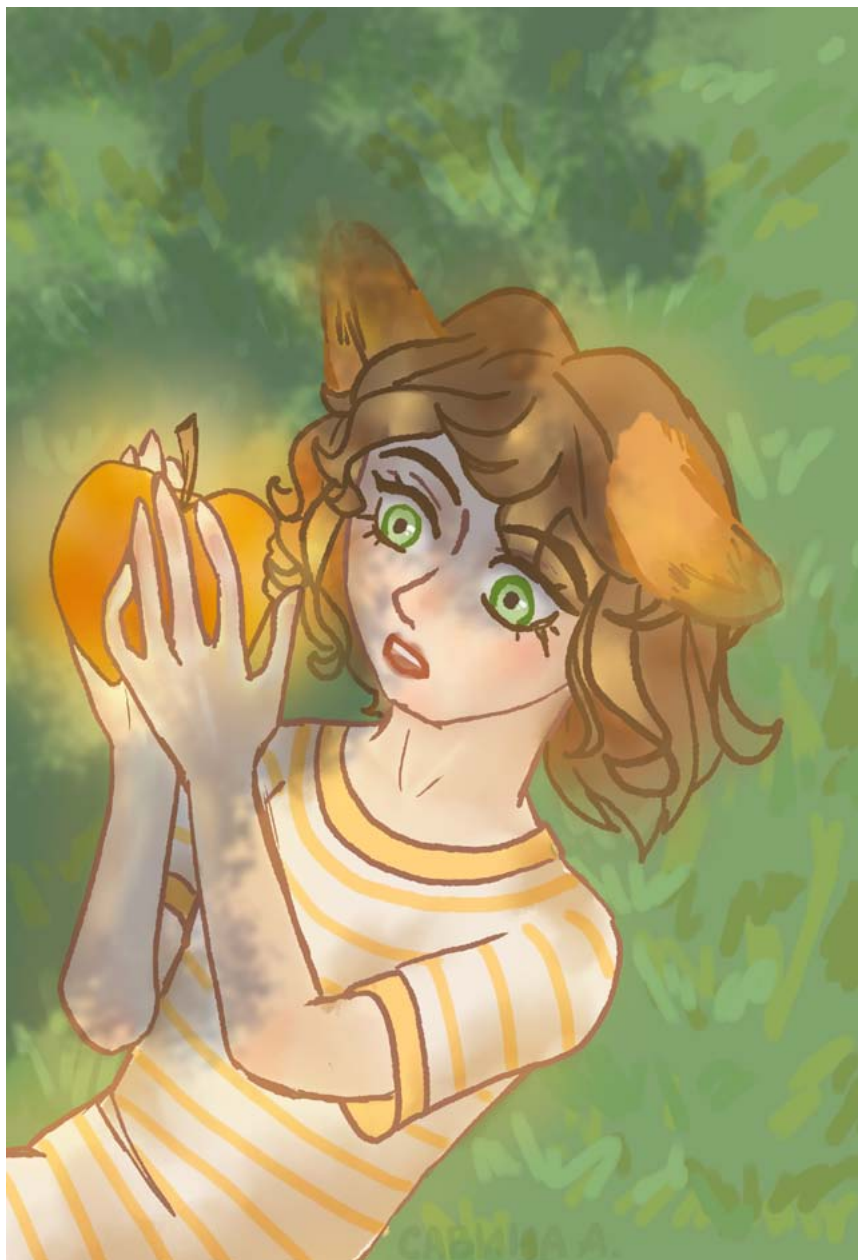
С этими словами Гамаюн захлопала крыльями, затанцевала и с улыбкой смотрела то на Сирин, то на Лену. Чёрная птица, окружённая радостью и надеждою, улыбнулась и заплакала, опускаясь на землю. Лена посмотрела на трёх птиц и вклинившуюся в их праздник Вику. Девочка улыбнулась. Она перевернула гусли-самогуды, и они заиграли задорно и весело. Сирин улыбалась.

Лена поняла, что Гамаюн в своих волшебных словах обратилась ещё и к ней. Те, кто готов был услышать тайное, достойны были услышать ответ Гамаюн на любой вопрос, пускай так и не заданный.

Так и случилось много лет спустя. Уже имея собственных детей, Елена Михайловна не потеряла в себе ребёнка. Да, повзрослев, она перестала видеть нечисть: Вика уже не показывалась ей в своей полулисийей форме, не слышала она и голоса домовики, но знаки однажды спасённой подруги видела всю жизнь. Услышав раскрытую Га-

маюн тайну, Лена прожила ту жизнь, в которой была с собою честна. А Вика запомнила эту непоседливую девочку навсегда, до сих пор считая её лучшим, что было в её длинной и нескончаемой жизни. Взрослеть не страшно, если ребёнок всегда живёт в тебе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нежданная встреча.....	3
В Рождественскую ночь.....	8
Дыхание степи.....	22
Рассвет новой жизни.....	40

*Оформление, рисунки,
верстка автора — Анны Савиной.*

*Технический редактор, корректор —
Мария Андреевна Усова,
учитель русского языка и литературы.*

*Подготовлено к печати
издательским центром МБОУ
Гимназия № 44 г. Иркутска.*

Сентябрь-октябрь 2023 г.

**Газета «Большая перемена» начала издаваться
с 2014-2015 учебного года.**

Наша газета участвовала во всероссийских конкурсах школьных СМИ, проводимых Фондом развития творчества г. Москва. В январе 2016 года мы заняли второе место, а в январе 2017 года — первое место по России. В декабре 2021 года «Большая перемена» победила в областном конкурсе школьных пресс-центров в номинации «Лучшее периодическое издание».

Наш автор, Аня Савина, учится в 9 «А» классе нашей Гимназии. Сотрудничать с газетой «Большая перемена» Аня начала еще в шестом классе. В первом и втором номерах за 2020/2021 учебный год опубликован её рассказ «Дружба не знает границ», в номере 1 за 2021/2022 год первая часть повести про домовику Вику.

Открывая дверь своего дома, задумывались ли вы, **ЕСТЬ ЛИ У НЕГО ДУША?** Нашей отличнице Лене этого делать не пришлось! **ВИКА, ДУХ ЕЁ ДОМА**, сама пришла к ней. Но зачем домовике, прошедшей сквозь века, оберегать простого человеческого ребёнка? Кажется, на этот вопрос не могла ответить сама Вика. **ДРУЖБА** и человеческие чувства были непонятны ей. Сможет ли **ПЯТИКЛАССНИЦА ЛЕНА**, сама едва ли узнавшая жизнь, показать ей, что такое настоящая преданность и семья? **А МОЖЕТ, ДУША ДОМА – ЭТО ЛЮДИ, КОТОРЫЕ В НЁМ ЖИВУТ?**

